

С ранней весны до глубокой осени, пока жива земля, русский писатель Виктор Астафьев живет в деревне. Перебирается из городской красноярской квартиры в Овсянку, в маленький дом с огородом. Здесь, на берегу Енисея, легче дышится, легче работается. В тихой комнате стоит настоящий березовый стол, привезенный друзьями-писателями. В соседней — книги и картины, подаренные друзьями-художниками. Больше комнат в доме нет, больше ему и не надо. Есть — простор за окном, живая природа. Сибирь-матушка...

— Виктор Петрович, Овсянка — самое дорогое для вас место?

— Вон там, напротив, изба, где я вырос, здесь детство прошло. Конечно, дорогое... А моей избы тогда не было, тут дядя Александр, дедушкин брат, жил — и это все был большой огород. Семья была большая — и огороды большие. А за горой, где престижные дачи местных аристократов стоят, была пашня, там хлеб сеяли...

И на фронт я из Сибири уходил, на станции Базаиха работал составителем поездов. Учился на станции Енисей — там ФЗУ наше было. А потом, так случилось, жена у меня оказалась уралкой, и 18 лет мы прожили в городе Чусовом, там ребяташи родились и выросли. Городишко паршивый, дымный, сажный. Картошка там не цветет. Набирает цвет, он от сажи становится лохматым и отпадает. А картошку хорошую рождает. Прямо как русская баба: с мужиком уже может и не спать, пощупает маленько — и родит...

Шесть лет прожили в Перми, в деревне у нас была изба. Замечательное место. Тем замечательно, что водохранилище отцепило всю электроэнергию, с керосином жили, с дровами. Все брошено, растаскано, а нам того и надо было. Природа...

Десять лет — в Вологде. Но я все время мечтал сюда вернуться. Здесь, в Красноярске, в отделе культуры работал хороший человек, он пытался меня перетянуть. Я сказал: мне нужен дом в Овсянке — я сам куплю, только найдите мне его — и квартира в Академгородке. В городе я жить устал. В Вологде жил в центре города — графоман всякий прет, ногу в дверь вставляет, рукописи его читай... Переехал, и в том же в 1979 году брат начал ремонтировать эту избу. Теперь каждое лето — здесь. Потому что там дом железобетонный, выстыло все, как в подвале. А у меня легкие больные, мне — нельзя. Жена там болеет, а я тут.

Но в Сибирь я ездил начиная с 1947 года, когда побогаче стал — каждый год ездил. Таким образом выездил книгу "Царь-рыба". По Енисею ездил. Я же еще игарский, в 35-м году покинул деревню, сознательно-то детство прошло в Игарке. Я у них сейчас там — почетный гражданин, в погибающем этом городе. О-ох...

— Почему?

— В 60—70-е годы храбрецы-писатели как бы путевыми очерками маленько хоть какую-то правду говорили, фигурки в кармане показывали. А что фигурки показывать — врал бы уж... Я стал писать — получается то же самое. Бывший газетчик во мне сворачивает на эту стезю — на любованье экзотикой. Порвал все, сжег. Но потом как-то отдельно написал рассказ, который "Капля" называется. "Капля" — камертон ко всей книге. Она писалась долго, мучительно, беспланово. Я обычно знаю вещи наизусть, могу рассказать. А тут — все вразброд.

Неожиданно для меня она получила такой резонанс, целые дискуссии были. В то время такая книга была правдивой, она — об одиночестве человека. Все пишут — о природе, экологии... Ну, природе я, конечно, дал волю, пописывал природу — с удовольствием, со сладостью. Но в основном все это — об одиночестве человека. Это ожидание — вот разгонят деревню, раскулачат ее, этот вечный "антисоветский рассадник". Справное хозяйство — уже антисоветское. Вот пролетарий с голый жопой, не желающий работать, — он советский...

Хозяйство — это же государство целое. Крестьянин — он и доктор,

когда, работы много. Так вот в политику и попадаешь...

— Мне-то как раз кажется странным, когда люди культуры участвуют в политических баталиях...

— Не надо этим заниматься. Писатель должен писать, художник — рисовать. Я сторонник того, чтобы каждый добросовестно занимался своим делом. И тогда будет порядок. Весь беспорядок, беспредел от того, что все хотят заниматься

тел воровать. Часть ворует, часть бегают и просят, часть кликушествует. Страна инвалидов, больных, сирот, брошенных стариков. Страна неблагополучная, страна расстроенная. У нас — только хуже может быть. В нашей деревне — 500 с лишним инвалидов. Это много, это перегруз. И в стране — перегруз.

— Встречаются и нормальные люди.

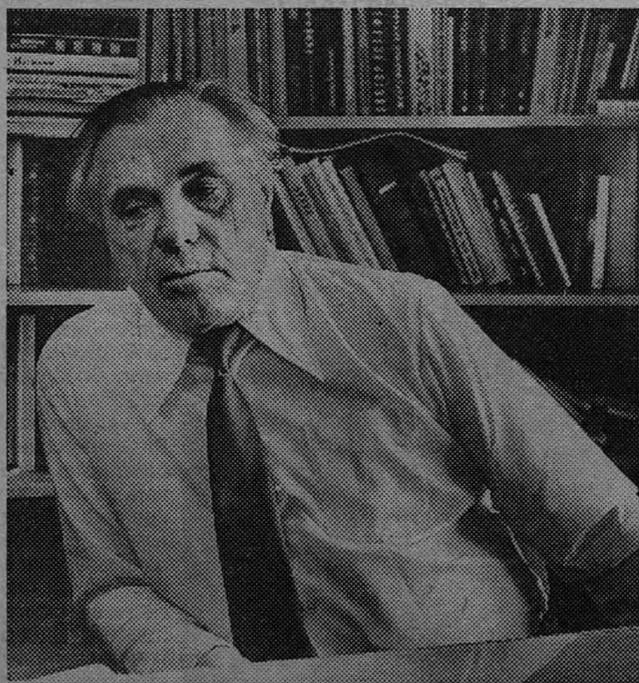
шенно на вашу не похожей. Жили в одном государстве, на одной земле, одним языком объединенные, но люди мы — очень разные. Мы не пойдем друг друга никогда.

— Неужели так уж невозможно просто понять человека, который рядом сидит?

— Если бы я сам себя понял, я бы много наговорил. Но сам себя я понять не могу. Знаю, что на старости лет все осложнилось — от-

НАДСАЖЕННЫЙ МЫ НАРОД

ВИКТОР АСТАФЬЕВ:

и экономист, и политик. И оракулом он должен быть — предсказывать урожай, угадывать, сколько чего сеять, чего купить, чего не покупать. Чтоб здоровый скот был, здоровая земля, хороший хлеб. У нас получали до 30 центнеров с гектара урожай, жили крепко.

Пошатнули все это — пошатнулось государство. И — шатается. Без крестьянства оно должно было развалиться — и развалилось. Без крестьян даже такие безземельные страны, как Голландия, Япония, где каждый клочок на учете, — это не государство. Это территория, где развивается военная промышленность, чтоб остальных пугать. Во что мы и превратились. Говорят, развалили могучее государство — все это глупость. Могучим оно было, когда было крестьянство. Была огромная аграрная страна, которая постепенно вылезала из своего невежества, безграмотности. До коллективизации у нас в деревне было 250 домов. Потом посчитали — прослезилась — осталось 85. Остальные сбежали.

— Ваши походы в политику — от внутренней боли?

— Я абсолютно политикой не занимаюсь.

— Но ведь в кампании по выборам президента участвовали агитировали за Ельцина голосовать. А недавно подписали письмо в адрес того же Ельцина с предостережением по поводу объединения России с Белоруссией, оно было опубликовано в газетах, в "Труде" в том числе.

— Политикой не занимаюсь абсолютно, мне это противно. Так, приедут брать интервью, вынудят. Я как бывший журналист не могу отказать — поговоришь чего-нибудь, понапишут. Во время выборов все сюда являлись, за Ельцина голосовать просили. Говорили, выберут красных — хуже будет. Да, все остальное — худший вариант.

— А письмо?

— Уж больно подозрительно затоптались вокруг красные, коммунисты. А там, где они топчутся, — ложь, обман, мошенничество. И потом в Белоруссии друзья мои живут, там живет мой друг Василь Быков. Он пишет, что в Белоруссии КГБ свирепствует больше, чем при коммунистах, что у Лукашенко отношения со всей демократической культурой испорчены.

— Василь Быков вас попросил?

— По телефону что-то спрашивали... Я письмо не читал и давно уже никаких писем не писал — не-

чем угодно, только не своим делом. И главное — все просят. Все бегают с флагами и просят. Не те, кто работает, кто хочет что-то делать... Ведь есть же и крестьяне, хотя бы известные Циглимовы в Новоселовском районе. Держат хозяйство, работают на земле, получают урожай, убирают его. В прошлом году ездил, смотрю — поля убраны. Чьи, спрашиваю. Циглимовых. Как это вам удается? А мы, говорят, рано посеяли, знали, что такой год будет, рано убрали, сдали зерно, рассчитались, купили комбайн. Машины в порядке, отремонтированы. ГСМ есть запасы — на свои деньги куплены... А те, кто не работает, — и не хочет.

— На чем сердце отдыхает, Виктор Петрович?

— А вот — дом свой, деревня. На природу сейчас не сунешься — там клещ свирепствует. Сам природу себе привез, насадил. Здесь же у меня только дикие деревья растут — калина, кедр, там — пихта, тут — елки, рябина... Этим и отдыхаю. Больше нечем.

— Совсем в жизни ничего хорошего не осталось?

— Если удастся — хорошо поработать. Но мало удается. Почитать, поработать, природу посмотреть... Главное — здесь у меня сердце, в деревне. Вырваться сюда — вот и все удовольствие. В моем возрасте других удовольствий нет. Уже не выпьешь, по девкам не пойдешь...

— Завидно?

— Конечно, завидно.

— Вообще старость — это всегда плохо? Или в этом что-то есть?

— Нет, в этом есть что-то. Как и во всем есть что-то плохое и что-то хорошее. Прелесть в том, что тынет к одиночеству. Хочется побыть одному, сосредоточиться, подумать. Плохо, что начинаю подступать болезни. Я зиму почти всю проболел. А лучший возраст — детство. Юность была отравлена, молодость была отравлена всякими ссылками, войнами, работами... Сейчас бы только и успокоиться — так еще эта странная жизнь! Какие-то тревоги, ожидания нехорошие.

— И все-таки есть надежда, что все будет хорошо?

— Нет.

— Никакой надежды?

— Нет. Наш народ не способен наладить жизнь. Он ослабел, он — надсаженный, слабый народ. Перестройка это показала. Народу предоставилась возможность наладить свою жизнь, улучшить ее — он не захотел работать, он захо-

— Сколько их — нормальных? Из 148 миллионов — сколько?

— Я не считала.

— Не считали, а надо бы было поинтересоваться. Сколько у нас полноценного, способного работать народа? И сколько из полноценного — хочет работать? Получится пшик. Для того чтобы это государство поднять, надо исполнимым быть. Товарищи большевики нам оставили развал и кричат теперь, что при них было хорошо. Не было при них хорошо!

Вон у меня скворечник висит — и ни одного скворца. Вороны все выклевали, вороны торжествуют. Сначала — яйца, потом скворчат, потом саму скворчиху норовят склевать. Все нарушено... Чтобы вороне вырастить 3—4 воронят, ей нужно мясо. Раньше в деревне был скотомогильник, вороне этого хватало. Теперь они научились шакалить, по скворечникам лазить, яйца выклевать. В природе все сцеплено, где-то разорвалось — все. А мы эту цепь просто по зернышку разобрали.

— Тяжело, наверное, так жить — совсем без надежды?

— Нормально. А когда у нас легко-то было? Подъем, какой-то звинчивенный энтузиазм... Никогда не ощущал я особенно никакого энтузиазма. Никогда не участвовал ни в каких митингах, демонстрациях. В толпе, в этом бесовстве. Писатель должен работать уединенно, он должен быть сам с собой прежде всего.

— Над чем работаете?

— В основном — над собранием сочинения. Начитываю, правлю, комментарии пишу. Закончу, может быть, что-нибудь о природе напишу. Всегда после тяжелой работы пишу про природу. Может быть, напишу третью книгу "Проклятых и убитых", если силы будут. Пока твердо не могу сказать. Изнурительная работа, если осознаешь, что она бесполезная, бессмысленная, — очень трудно писать.

— Бессмысленная?

— Если бы литература, слово, вообще искусство, культура влияли на человека — не одичал бы он так к концу XX века. Ведь он приходит к концу XX века более диким, чем был в конце XIX. К концу века человек стал более одиноким, чем он был в деревне. И от одиночества он вытворает черт знает что. Это не только у нас, и в экономически развитых странах человек дичает. Посмотрите на западное искусство, которое мы заглотели, как наживку. Эта негритянская дрянь — искусство? Негритянки эти голые, которые беснуются, чуть-чуть прикрыв передок. Дикарь мы народ! Как говорил Солоухин — не народ, а население. Народа как такового уже нет.

— Виктор Петрович, интересно, злость в душе человека может быть созидательной силой?

— Зло всегда разрушительно, где бы оно ни было.

— Мне кажется, в вас столько злости накопилось...

— Ну вот! Вы грусть, печаль за злость принимаете.

— Вы раздражаетесь — это не похоже на печаль.

— Лучше всего — не допускать к себе никого, ничего в себе не обнаруживать. То, что у меня происходит в душе... Какое горе, печаль, тяга к одиночеству, — конечно, вам, молодым, трудно понять, воспринять. Да и не нужно. Вы должны свои чувства иметь — более здоровые, более оптимистичные, что ли. Мы уже на отдельных полюсах живем — и в силу возраста, и в силу каких-то непониманий. Вы живете своей жизнью, я — другой, совер-

ношения с этим миром, с собой. Разлад с самим собой породил такого титана, как Лев Толстой. Пока у жизни существует смерть — все будет так. На девятом десятке взял старик и ушел. Один друг написал, что это юношеский поступок. Юношеские поступки должны юноши и совершать...

— Говорят, старики и дети сближаются.

— Степень сближения стариков и детей — она по линии дури. А что касается вещей, таящихся в душе, — это процессы архисложные. Особенно — в наше противоречивое время, в нашей жизни. Объяснить сам себе человек много не может, может быть, от этого и раздражается. Вам много непонятно и не нужно понимать, иначе вы в петлю залезете, как многие сейчас делают. А старики мало кончают жизнь самоубийством, юноши — гораздо чаще. Знания умножают скорбь — помните, наверное. А наши знания тем более умножают скорбь. Знания того, что происходит. Вот мужик в нашей деревне забил бабу до смерти, схоронил. А другой — мать 90-летнюю убил, пенсию отбирал. В день поминовения с цветочками пришли на могилу — и горюют искренне, водку пьют...

Вот объясните мне это! Они выросли на моих глазах, один восемь раз в тюрьме сидел, второй — ни разу. Или — на протоке пятеро ребятишек под лед свалились. Мужик мимо шел, всех пятерых спас, сам переохладился и утонул. И хоть бы кто-нибудь (а у него двое детей осталось, жена) позвонил, спросил — может, помочь чем? Не-ет! И эти родители спасенных ребятишек — русские люди. И тот, который полез детей спасать, — русский человек. Пусть мне объяснят эти маленькие противоречия, и я буду на мир смотреть оптимистично!

— Эти маленькие противоречия, наверное, существуют в любой стране. Есть добрые люди и есть выродки...

— Я в других странах побывал. В Колумбии, в Перу меня больше всего потрясло, что половина населения Южной Америки не знает, что у нас была война. Но меня больше интересует — что тут? Меня интересует, как одна старуха в Абакане шла с прогулки домой, сунула ключ в замок — упала и умерла. И весь подъезд, перешагивая через нее, пошел в детский сад, школу, на работу. А? Пришел милиционер, опечатал квартиру — и тоже через нее перешагнул. Знаете, ваш брат журналист просто требует — дайте надежду. Да нет надежды. Нашей цивилизации осталось существовать очень недолго — от силы лет 40—50. В лучшем случае. А если дальше будем расхищать и загрязнять все сферы — хватит и того меньше...

— Ну спасибо, утешили. Думаю, журналисты не столько требуют дать им надежду, сколько им хочется ее иметь.

— Мне тоже хочется, но... Только и радость — зиму прожил, до весны дотянул. Все зеленеет, птицы чирикают, черемуха вон цветет. Эта черемуха, кстати, спасла мою избу. Напротив, через узкий проулок, был пожар, и она приняла на себя удар. Вот этому феномену природы поражаешься. Сгорела черемуха наполовину, хату мою защитила — а наполовину цветет, бушует... Удивление вызывает природа, которая терпит нас...

Любовь РАК, соб. корр. "Труда".

ОВСЯНКА Красноярского края.

Фото Павла КРИВЦОВА.